
Максим Ферратов
В тени безумия

Максим Ферратов

В тени безумия

«Автор»
2026

Ферратов М.

В тени безумия / М. Ферратов — «Автор», 2026

Провиденс, 1922 год. В старой Новой Англии у каждого благопристойного семейства есть свои скелеты в шкафу, а у каждого заброшенного холма — древнее проклятие.Обычная поездка по размытым осенним дорогам оборачивается для молодого джентльмена Говарда Филлипса спуском в преисподнюю. Вырвавшись из лап дочеловеческих тварей и пройдя через рукотворный ад подвалов Аркхемской клиники, он возвращается домой с ледяным бронзовым амулетом в кармане и седой прядью у виска. Но древний ужас не отпускает тех, кто заглянул в пропасть.

© Ферратов М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Утро. Побег из города 7
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Максим Ферратов
В тени безумия

Пролог

Этот край был не самым популярным у местных индейцев, до прихода новых хозяев из-за океана, а кто построил это здание никто не знал, казалось оно стояло тут и до того, как квакеры и фанатики начали искать в бедах колониальных жителей вину ведьм и колдуний. Уже тогда оно было старым, местные индейцы, остатки некогда воинственного племени наррагансеттов называли его Уи-Тама-Наса, что проповедники переводили просто - Дом спящего Дьявола. Никто туда не ходил, никто не видел, чтобы туда кто-то ходил. Одинокое разрушенное, неприглядное, издали по шоссейной дороге, что вела в сторону Иннсмута, казалось, что это просто холм, обросший кривыми деревьями. Жители немногочисленных деревень и фермеры замечали, что туда чаще, чем в другие места бьет молния в грозу, а еще бураны зимой в той лощине самые сильные, иногда наметало с человеческий рост снега, и таял он долго, иногда до лета еще целые пласты оставались. Плохое место, и животные туда не любили ходить, птицы не любили летать, даже деревья и кустарники росли там не так, ниже, хотя сплетались в что-то подобие живой изгороди, словно сама природа не хотела никого пускать внутрь странного проклятого места. Или оно само не пускало никого, пока не пускало.

Недалеко от холма, где стояло старое строение, расположился холм пониже, почти идеально ровный на вершине, словно его какой-то неведомый пахарь срыл, и положил три плоских камня на вершину. Один был круглый и плоский, углублением в центре стола, в форме напоминавшем треугольник с двух фунтовое ведро, а скамьи были полукруглой формы, тоже с плоской поверхностью, установленные так, чтобы сидевшие на них смыкали полный круг вокруг стола. Все это выглядело будто издевательская имитация стола и скамей на Тайной вечере чей-то богохульный противоестественный замысел бросить вызов самому мирозданию.

А иногда, в лунные ночи, когда полнолуние совпадало с 30 апрелем и 31 октябрем, из развалин словно слышались ритмичные звуки, словно кто-то играл какую-то искаженную музыку на невиданных и не слышанных никем ранее инструментах. А иногда там пропадали путники, кои, не зная этих мрачных мест, забредали в поисках чего-либо на проклятый холм. Обычно это были случайные бродяги, туристы из больших городов, геологи, нанятые для поиска недр, так как в речках водилось тут много золота, или одинокие охотники, ищущие оленей. Пару раз пропадали бутлегеры, хотя сами фургоны оставались не тронутыми, а люди, что были с грузом исчезали навсегда. И ночью, следующей за днем пропажи путников, холм оглашался на все окрестности какофонией неистовых звуков дикарской демонической музыки, а еще, отблесками неземного огня на вершине пологого холма. Без дыма, без тепла, злой зеленоватый огонь, словно пульсирующий свет извне, что спустился на холм в эту ночь.

Утро. Побег из города

Это была не самая его умная идея, но как еще он мог пережить расставание с ней?! Он, потомственный джентльмен из уважаемого рода, просто не мог принять, понять и отпустить, что его Элизабет так просто, так вольно обойдется с его чувствами! Да еще и то, что отправился он, как мальчишка, по сути убежал от боли и разочарования на стареньком разбитом форде из города. Подальше от нее, от ее обмана, от ее тайн, ставших для него невыносимыми, до отвращения, до полного отрицания, что она вообще могла такое сотворить. и снова, и снова он прокручивал в голове не самый свой логичный поступок, и свой последний разговор с ней, пока старенький автомобиль дребезжал по осенним кое-где разбитым дорогам. Он передвигался в глубине родного края, в его северо-восточной части, в графстве Аркхем, если карты не врали, и он не сбился с пути, так как никаких указателей на дорогах тут отродясь не водилось. Он полагался на свою интуицию, и карты, купленные на последней заправке, в милях двадцати не доезжая от Данвича, престранного поселения, словно наполовину вымершего. И вот уже проехав 50 миль от заправки, он снова и снова возвращался к утреннему разговору с Элизабет.

Все начиналось всего несколько часов назад так спокойно и обыденно. Рано утром, часов в восемь, он прибыл к крыльцу ее дома, вернее, дома ее родителей. Восемь ударов часов с колокольни Первой баптистской церкви прозвучали в сыром воздухе Провиденса не как утренний благовест, сзывающий набожных горожан преклонить колени, кто не успел на утреннюю службу, а как погребальный звон по дерзким надеждам на личное счастье Говарда. В это туманное октябрьское утро красивый и сонный Колледж-Хилл казался погребенным под саваном из испарений залива, расположенного ниже, в милях полтора, славного Наррагансеттского залива, места прибытия первых поселенцев Новой Англии. Старый, дребезжащий «Форд» модели Т, на котором Говард в спешке добирался сюда, из своего тихого домика на Кавэндиш-стрит, затих с натужным хрипом у обочины Бенефит-стрит, и этот звук показался каким-то постыдным осквернением тишины, после звона колокола.

Говард остался сидеть в продавленном кожаном кресле, чувствуя, как липкий утренний холод пробирается под пальто. Тонкие пальцы, судорожно сжимавшие руль, дрожали. Он приехал слишком рано, сознательно, выбрав этот час, чтобы наконец застать мистера Ван Дер Хайла - сурового главу семейства и влиятельного банкира из Род-Айленда. Застать и переговорить с ним до того, как его персональный экипаж унесет его в гранитное чрево в глубине финансового квартала. Говард собирался просить руки его дочери, Элизабет. Сама мысль об этом сейчас, на фоне мрачного величия их георгианского особняка, казалась безумием. Но он ее так любил! И она, она сама отвечала ему взаимностью!

Дом Ван Дер Хайлов возвышался над улицей подобно массивному стражу самого понятия богатства: его потемневшие от времени фасады темно-красного кирпича, вставки из виргинского дуба, массивный классический портал, узкие длинные окна с мелкими стеклами, словно хранили тайны трех поколений пуританской знати славного города Новой Англии. В архитектуре этих старых домов Провиденса всегда сквозило нечто зловещее - скрытое высокомерие мертвецов, презирающих живых. Немного пыльный, потрепанный черный «Форд», покрытый пятнами ржавчины и дорожной пыли, выглядел возле этого особняка как уродливый символ наступающего века машин, несущего лишь упадок, дешевизну и разрушение благородной старины.

Пытаясь унять дрожь, Говард ступил на влажную брусчатку, ведущую к крыльцу дома. Невольно его взгляд упал на массивную парадную дверь, из массива дуба. Но не успел он сделать и трех шагов к кованой калитке, как тишину холма разорвал звук совсем иной природы.

Это не было примитивным дребезжанием повозки молочника, не было и треньканьем почтового фургона, да и мало какой автомобиль мог издавать такие звуки. Из тумана, медленно

поднимающегося от реки, бесшумно и плавно, словно гигантский левиафан, выплыл огромный автомобиль. Его радиаторная решетка хищно блеснула хромом, а из-под длинного капота доносилось утробное, почти гипнотическое сытое урчание двенадцати цилиндров.

Новейший Packard Twin Six**архив**1922 года выпуска. Приземистый, пугающе длинный, ослепительно-красного, вызывающего цвета - цвета свежей артериальной крови, который казался кощунством среди строгих фасадов особняков на Бенефит-стрит.

Машина мягко затормозила у самого крыльца, аккурат перед стареньким «Фордом», мгновенно превратив его в насмешку над притязаниями скромного архивариуса на руку дочери банкира. Лакированные борта «Паккарда» отразили туманное небо Провиденса, искажая пропорции старых домов, будто в кривом зеркале. Прежде чем водитель успел заглушить мотор, тяжелая дверь распахнулась, и на подножку ступил Алджернон Страттер.

Сын текстильного магната, чьи фабрики душили дымом юг штата, он выглядел безупречно в своем заграничном твидовом костюме, купленном явно не на распродаже, а прямо в Лондоне, в Хэрродс, или вообще сшитый на заказ у портного двора его величества. В его небрежной, ленивой походке и легкой полуулыбке читалась та абсолютная, хищная уверенность, которую дают только безграничная власть и огромные деньги, и понимании собственной исключительности. Алджернон Страттер приехал в тот же час, к тому же банкиру, чтобы совершить сделку, в которой товаром была Элизабет. И, глядя на то, как равнодушно он скользнул взглядом по его угловатой длинной, замершей у калитки фигуре, Говард ощутил, как внутри разрастается ледяной, потусторонний ужас отчаяния. В этой безмолвной дуэли у входа в роскошный особняк все было понятно заранее. Надежды были обречены пасть в пропасть Тартара еще до того, как кто-то из двоих претендентов коснулся дверного звонка, изысканной работы.

В этот момент в одном из узких георгианских окон второго этажа дрогнула тяжелая бархатная штора, такого же цвета, что и отвратительный Паккард. В тусклом просвете показалось бледное, испуганное лицо Элизабет. Она смотрела на двоих претендентов сверху вниз, зажав рот ладонью, и в ее глазах, обычно напоминавших тихие болотные омуты, сейчас читался явный, почти суеверный страх. Сердце пропустило удар, она не ждала так рано приезда Говарда. Он приехал без предупреждения, впервые, ведомый лишь отчаянным порывом провинциального романтика, влюбленного в главную красавицу Нового Света.

Тяжелая лакированная дверь «Паккарда» захлопнулась с глухим, сытым стуком. Алджернон Страттер сделал шаг вперед, лениво поправляя безупречные манжеты. На его холеном пальце тускло блеснула массивная золотая печатка. Она невольно притягивала взоры, вместо привычного геральдического щита одного из родов аристократии Новой Англии, на ней был выгравирован глубокий, пугающе детальный вензель в виде крылатой гарпии с оскаленной человеческой головой - древний, полузабытый герб его семьи, от которого веяло не столько благородством, сколько сыростью фамильных склепов. Страттеры любили бахвалиться, что происходят от самих Ллавелинов, в чем Говард сильно сомневался, потому как самый древний найденный им бумажный артефакт, касающийся семьи соперника, датировался 1642, годом, когда Джебедайя Страттер прибыл на торговом судне из Ливерпуля, указав офицеру при сошествии на берег свой возраст, 26 лет, и род занятий, портной и суконщик, сын фермера из Девоншира.

Он окинул Говарда долгим, ледяным взглядом с ног до головы, задержавшись на моих стоптанных туфлях и ржавом крыле «Форда». На его губах презрительно заиграла, не скрываясь брезгливая, торжествующая улыбка.

- Говард, что ты тут делаешь? - его голос прозвучал неестественно громко в сонной тишине Бенефит-стрит, словно сам ветер хлестнул по лицу. - Твое место в музее, Говард. Или в пыльном архиве исторического общества - вот где твое истинное прибежище. Или где ты там пыль глотаешь, я забыл, Лиззи говорила, но извини, мне было недосуг. Не надо тащить свою плесень, перхоть и грязь ушедших веков сюда, к Элизабет!

Он подошел ближе, и Говард почувствовал дорогой парфюм, смешанный с запахом бензина и чем-то неуловимо приторным, напоминающим болотные цветы. Алджернон навис над ним, хотя они были одинакового роста, продолжая свой безжалостный монолог:

- Она моя, Говард. И давно уже выбрала меня. А тебя она просто жалеет - Лиззи слишком добра, чтобы прямо заявить об этом и расстроить твою тонкую натуру. Твою тонкую... вернее, истерическую натуру, склонную к беспочвенным фантазиям, и явно рыданиям. Не веришь мне, мой дорогой архивариус? Что ж, посмотри вверх. Спроси у Лиззи сам!

Говард, сам не желая того, все же медленно поднял глаза к окну на втором этаже. Элизабет все еще стояла там, сжав губы. На мгновение их взгляды встретились через холодное стекло и безжалостное осеннее пространство двора. Но под умоляющим, как у щенка взором архивариуса, она вдруг отшатнулась, словно испугавшись чего-то, и резко задернула штору, погрузив комнату во тьму. Это безмолвное отречение ранило глубже, чем любые слова Страттера, или даже открытая рана.

Мир вокруг покачнулся и упал куда-то в другой мир, оставив тут только одни лишь тени и шепот. Воздух Бенефит-стрит показался удушливым, пропитанным ядом измены и вранья, хотя можно ли было ожидать иного исхода, будучи скромным архивариусом. Лицо Алджернона, оскал гарпии на его перстне, массивный красный «Паккард» - все это слилось в одну торжествующую, маску торжествующего мира богатства и избранности, давившую своим превосходством, начертив непроницаемый ведьмовской круг по периметру особняка Ван Дер Хайлов.

Он остался стоять, молча не произнес ни слова. Гордость, смешанная с глубоким, уязвленным отчаянием, толкнула обратно к машине. Практически Говард запрыгнул в кабину своего «Форда» под издевательский, тихий смешок Страттера. Двигатель отозвался яростным, судорожным ревом, готовый сорваться с места, и понести хозяина куда угодно, подальше от места унижения. Прежде чем дрожащая его рука коснулась навершия рычага, тяжелая дубовая дверь особняка Ван Дер Хайлов начала открываться.

На пороге отчего дома показалась взволнованная Элизабет. Элизабет не просто выглянула - она стремительно сбежала по каменным ступеням крыльца отчего дома. На ходу набросила на плечи шерстяную шаль, её дыхание оставляло в сыром утреннем воздухе Бенефит-стрит маленькие облачка пара. Она торопливыми шагами достигла калитки, которую учтиво распахнул Страттер, кивнула ему, и подошла к замершему в чреве потрепанного Форда Говарду. Алджернон Страттер недовольно приподнял бровь, но отступил на полшага, скрестив руки на груди, не сказав ни слова против.

В её глазах, обращенных на Говарда, не было злости или презрения - лишь глубокая, искренняя печаль, та невыносимая жалость, которая ранит сильнее любого удара, что страшнее удара отравленным клинком.

Она вздохнула, не рискуя открыть дверь, то ли, чтобы не запачкаться, то ли, чтобы не переступать эту невидимую черту. И заговорила своим глубоким, чувственным голосом.

- Гови, постой, не уезжай так... - её голос прозвучал тихо, почти умоляюще, и она коснулась пальцами холодного металлического ободка двери. - Ты приехал без предупреждения... О, Гови, ты должен понять. Дело вовсе не в том, что я.… что я сразу выбрала Алджернона. Ты же знаешь, наши семьи связаны общими делами с тех пор, как мы были детьми. И его отец, и мой… они строили этот город. Мы оба - единственные дети в своих семьях, и наши кланы годами рассчитывали на этот союз. Это то, что предрешено не нами, Гови. Это долг перед именем, перед семьей, перед самим старым Провиденсом.

Она замолчала, тихонько утерев слезы, выступившие на красивых глазах. Говард молчал, Алджернон что-то негромко насвистывал, вычищая из-под ногтей невидимую грязь миниатюрной пилкой для ногтей. Говард машинально посмотрел на свои пальцы, с въевшимися под ногти свинцовой краской с архивов и газетных листков

- Говард, дорогой, мне очень, очень жаль, что так все вышло. Поверь я, я не специально, наши родители давно обговаривали нашу помолвку. В защиту своих родителей могу сказать никто меня не принуждал. Я на самом деле выбирала межу вами двумя. И поверь, выбор мне дался нелегко. Гови, я не хотела тебя обидеть!

Она сглотнула, заметив, как отверженный Говард сжал зубы, и попыталась улыбнуться, вкладывая в слова всю доступную ей нежность, самое страшное женское оружие:

- Ты особенный. У тебя великая душа, Гови. Я искренне верю, что ты ещё встретишь свою настоящую судьбу. Прекрасную умную и такую же чувственную девушку, как и ты, мой дорогой друг! Ты обязательно станешь известным, станешь богатым… Твои книги, твои исследования старых хроник, твои рассказы – все это мир ещё оценит, я верю в тебя!

Сзади раздался короткий, издевательский смешок. Страттер, переступив с ноги на ногу возле своего сияющего «Паккарда», не удержался и вставил свою ложку дегтя в чистую искреннюю ложь Элизабет.

- Ну разумеется, Лиззи! - процедил он, и на его лице снова заиграла снисходительная ухмылка победителя. - Обязательно станет. Как самый известный архивариус во всей Новой Англии! И супруга у него, без сомнения, будет под стать. Какая-нибудь очкастая, зашуганная мышка из глухого предместья, дочка приходского пастора. Или, чего доброго, вообще девица из иммигрантов... Ладно ещё, если из приличной Европы, а не из тех подозрительных докеров с низин набережной, про которых наш дорогой Гови так любит собирать свои мрачные сплетни.

Элизабет резко обернулась и с укором прикрикнула на него, в ее голосе на самом деле чувствовался гнев:

- Алджернон Страттер, замолчи! Не смей так говорить при мне о Гови!

Но яд уже проник в уши, в вены, в кровь, разнеся по всему телу горечь поражения, унижения и позора. Слова Страттера, поддержанные железной логикой кастового долга, осознания своего особого положения, которого никогда не достичь человеку, копающемуся в чужом прошлом, окончательно разрушили иллюзорный мир юношеских мечтаний. Судьба была предрешена, и оставаться здесь с ними, означало быть вечным посмешищем для этих хозяев новой жизни.

Не говоря ни слова, чтобы не сорваться на жалкий крик, или еще хуже, на рыдания, Говард резко выжал педаль и отпустил рычаг. «Форд» яростно зачихал, выплевывая клубы сизого дыма прямо на безупречный капот «Паккарда». Колеса с пробуксовкой крутанулись по влажной брусчатке Бенефит-стрит. В зеркале заднего вида Говард сквозь слезы успел заметить, как Элизабет испуганно отступила назад, прижимая шаль к груди, а Страттер брезгливо отмахивался от гари старого мотора шёлковым платком. А потом, он не мог это больше видеть, и благодарил небеса, что машина ушла в поворот, скрыв от него ужасную картину. Страттер прижал к себе Элизабет, а она не оттолкнула его, а, ему могло померещиться, но злой обиженный мальчик внутри кричал, ты не видишь своими глазами, не успел ты отъехать, как она поцеловала его, там же, среди чада твоего автомобиля!

Форд со всех своих малых сил рвался вперед, увозя своего владельца на север. Ему просто необходимо было скрыться, нужно было бежать куда-то отсюда. Бежать из этого проклятого, душного Провиденса с его банкирами, текстильными магнатами и фальшивыми улыбками. Форд несся на север, прочь от залива, туда, где за чертой округа цивилизация уступала место угрюмым, поросшим дурным кустарником и темными лесами пространств. Туда, где среди безлюдных холмов, древних лесов, маленьких деревень, за пределами цивилизации не было места ни банкирским расчетам, ни роскошным машинам, ни удушающей жалости. Одна только природа и человек, рыдающий и управляющий старым Фордом. Путь лежал дальше и дальше, мимо зловещих Аркхемских пустошей - в глухи

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.